

В сопровождении Бисе, Сыбусян и его спутники приземлились рядом с небольшим земляным холмиком.

Бисе принялся к воздуху и произнес:

— Мы на месте. Это запах мой и Тяньлу.

Затем он указал на две ямы в земле:

— Мы с Тяньлу выбрались именно отсюда, а Цзянцзян спала рядом с нами.

В глазах Тяньлу промелькнула печаль, он указал на холмик:

— Цзянцзян спит прямо под ним. Только вот она спит уже очень давно, и неизвестно, когда проснется.

Хаожи молча наблюдал за ними, не зная, стоит ли открывать им правду. Он видел, как сильно они привязаны к Цзянцзян. На душе у него стало горько, и он невольно задумался: а если однажды не станет меня, будут ли Сыбусян, Бисе и Тяньлу так же горевать обо мне?

В этот момент Сыбусян вдруг спросил:

— Ваш друг... она ведь на самом деле умерла, да?

Услышав это, Бисе и Тяньлу в недоумении переглянулись:

— Умерла? Что значит умерла?

Сыбусян принялся увлеченно объяснять им концепцию смерти:

— Умереть — это значит перестать двигаться, тело больше не греет, и в конце концов ты становишься единым целым с землей и уходишь навсегда.

Однако Сыбусян не ожидал такой бурной реакции. Тяньлу пришел в ярость и закричал в ответ:

— Нет! Она просто спит! Никакая она не мертвая! Сыбусян, хватит мне врать, мы никуда не уйдем, мы останемся здесь, с Цзянцзян!

С заплаканными глазами Тяньлу повернулся к Бисе:

— Бисе, Сыбусян нас обманывает, правда?

Но Бисе лишь молча смотрел на холмик, потупив взгляд. Возможно, в глубине души он понимал, что их Цзянцзян уже не вернется, просто был не в силах принять этот факт.

Сыбусян продолжал:

— Я не вру. Папа и мама говорили, что жизнь священных зверей бывает разной длины, и смерти не избежать.

Он помолчал, а затем с гордостью добавил:

— Но я ведь Цилинь, сын благополучия, я живу очень долго и смогу быть с вами еще очень много лет.

Тяньлу рухнул на холмик и громко зарыдал:

— Цзянцзян, проснись! Сыбусян врет, ты не умерла, ты просто спишь, да? Проснись же, Цзянцзян!

Бисе по-прежнему молчал, но если присмотреться, можно было заметить, как в уголках его глаз блестели слезы — лишь остатки гордости не давали ему разрыдаться в голос.

Сыбусян хотел было что-то добавить, но Хаожи тихонько потянул его за собой:

— Постой, Сыбусян, дай им выплакаться.

Отойдя на приличное расстояние, Хаожи сказал:

— Плачьте, если хочется. Здесь нет других зверей, которые могли бы вас услышать. Может, станет легче.

Когда они отошли, вдалеке послышались два тихих, но полных отчаяния всхлипа.

Хаожи взглянул на озадаченное лицо Сыбусяна:

— Что случилось?

— Маленькое Солнце, я не понимаю. Папа и мама говорили, что все священные звери рождаются от неба и уходят в землю. У каждого есть свой срок. Почему же, когда друзья

Маленького Цветочка и Маленького Синего Круга возвращаются к истокам, они так горюют?

Хаожи вздохнул, не зная, как объяснить это ребенку:

— Сыбусян, Дицзян для них — это семья. Совсем как твои папа и мама. Если бы однажды они навсегда ушли, и ты мог бы видеть их только в своих воспоминаниях, что бы ты делал?

— Я... я...

Сыбусян попытался представить это и лишился дара речи. Он понял, что не может смотреть на смерть бесстрашно. Если бы такой день настал, он бы наверняка горевал не меньше, чем Маленький Цветочек и Маленький Синий Круг.

Вдруг Сыбусян спросил:

— Маленькое Солнце, если я когда-нибудь умру, ты будешь грустить?

Хаожи задумался и медленно ответил:

— Если это произойдет от старости, я буду очень скорбеть.

Но в следующую секунду в глазах Хаожи вспыхнула пугающая жажда убийства, и он торжественно добавил:

— Но если тебя кто-то погубит, я стану величайшим карателем в этом мире. Даже если мне придется перебить всех, кто посмел замыслить против вас зло, я найду способ вас воскресить.

Сыбусян испугался таких слов и поспешно сказал:

— Не волнуйся, Маленькое Солнце, я буду себя беречь. Я ведь хочу быть с тобой, с папой, мамой, Маленьким Цветочком и Маленьким Синим Кругом.

— Хорошо. Пойдем обратно.

Хаожи понял, что прошло уже немало времени, и плач стих — вероятно, они смирились с уходом Дицзян.

Вернувшись, они увидели, что Бисе и Тяньлу вырыли маленькую ямку.

Сыбусян подошел ближе:

— Маленький Цветочек, что вы делаете?

Тяньлу мельком взглянул на него и отвернулся — он не хотел иметь дел с существом, у которого такой холодный язык.

Бисе ответил сухо:

— Мы с Тяньлу хотим посадить здесь дерево. Так мы всегда сможем найти Цзянцзян, когда захотим ее навестить.

Он достал из шерсти на груди семечко вечнозеленого дерева с узором в виде четырехлепесткового цветка.

Наблюдая за тем, как они с благоговением сажают семя рядом с Дицзян, Хаожи вновь почувствовал, как что-то дрогнуло в его сердце. Он не удержался и спросил систему:

— Неужели правда нет способа оживить Дицзян?

Система не ответила сразу, выждав паузу, прежде чем издать механический звук:

— Хозяин, поймите, такова судьба Дицзян. Попытка изменить предначертанное приведет к великому бедствию.

— И что с того? Ты же Система исполнения желаний! Разве это называется исполнением желаний? Я знаю, что ты можешь что-то придумать.

— Хозяин, воскресить Дицзян невозможно. Однако, если вы добудете Камень Жизни Великого Начала, появится шанс собрать воедино искру её души и позволить ей переродиться.

— Камень Жизни Великого Начала? Что это такое? Где его искать?

— Это артефакт, возникший после краха Эпохи Тайчу. Его почти невозможно найти. Даже Великие Императоры человечества используют его, чтобы прожить следующую жизнь. Если вы решитесь на поиски, будьте готовы стать врагом для всех Великих Императоров.

— ...

Хаожи остолбенел. Он понимал каждое слово системы, но смысл ускользал от него. К счастью, система, оценив его уровень интеллекта, передала всю информацию прямо в его сознание.

Чем больше Хаожи узнавал, тем сильнее хмурился. Он понял, что этот Камень Жизни

неразрывно связан с ужасающей силой — Бедствием Эпохи.

<http://bllate.org/book/20816/2093561>